

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Табриэль¹

I. Воспитатель

По одному из ведущих трактов прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень уже давала себя знать. Бесперывно шел мелкий частый дождь, и все вокруг тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты, но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжкие думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Сундук на козлах, дорожный несессер и плед показывали, что едет он издалека.

Путник был молодой человек лет двадцати восьми, высокий, поджарый, крепко сложенный, с аристократическими чертами лица. Он снял шляпу и откинул голову на синего атласа подушки кареты, с которыми резко контрастировали золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями обрамлявшие его белый широкий лоб, усы

¹ Роман вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1894 г. Особенности авторского стиля, традиционной для «дамского романа» манеры письма и литературного языка того времени сохранены. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

и небольшая борода. Брови у путника были темные, срастались на лбу и придавали большим черным глазам выражение спокойствия и строгости. В эту минуту они были затуманены мрачной грустью, которая сказывалась и в суровом абрисе губ. Тем не менее время от времени его мужественное лицо озарялось отблеском энергии и гордости, граничащей с упрямством.

Барон Готфрид Веренфельс был последним отпрыском благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие войн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но после окончательно разорили его. Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва успел вступить в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, пытаясь сохранить маленькое имение, обеспечивавшее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса. Смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала к постели на несколько месяцев.

Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение.

Он был разбит, но не уничтожен. Благодаря помощи одного из друзей Веренфельс поселил мать и годовалую дочь Лилию у старой родственницы, своей крестной матери, а сам решил ехать в Америку — попытать счастья и снова встать на ноги, чтобы обеспечивать свою семью самостоятельно.

Он уже готовился к отъезду в Новый свет, когда неожиданное предложение изменило его планы.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не перестававший выказывать расположение молодому человеку, письменно просил немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

После обмена поклонами банкир сказал Готфриду безо всяких предисловий:

— Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгоднее, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просил меня рекомендовать ему человека умного, образованного, хорошего круга, а главное энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным вследствие несчастных обстоятельств характером, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

— Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? — спросил Готфрид с усмешкой.

— Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва исполнилось девять лет, в доме живет его отец — такой симпатичный и благородный человек, какого только можно себе представить, к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем замке. Практическая сторона дела — значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это тотчас же вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашим матери и ребенку все удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее. Таким образом, вам было бы легко попытаться счастья в Новом свете впоследствии, когда вы исполните принятое вами обязательство и маленький Танкред — согласно желанию отца — поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

— Вследствие каких обстоятельств этот несчастный ребенок так испорчен? — позволил себе уточнить он.

— Это вина его матери, — отвечал Фридман. — Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была ли она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, наружное приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и потаканием его недостаткам. Граф, серьезно раненый на дуэли, заперся с тех пор в своем замке и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему в его переписке.

По некотором размышлении Готфрид согласился принять предлагаемую должность, и вот мы видим его едущим на место своего нового назначения. Какое-то тайное опасение теснило его грудь, гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы и, опустив стекло, стал глядеть в окно. Дорога в этом месте загибалась и довольно быстрым скатом спускалась в долину, лежащую среди лесистых гор. В глубине ее, на холме, возвышалось обширное здание, окруженное садами. Это и был замок Рекенштейн. Сердце молодого человека, по непонятной ему самому причине, почему-то сжалось.

Пока Готфрид рассматривал свою будущую резиденцию, карета въехала в аллею вековых дубов и повернула к золоченой решетке ворот, над которыми возвышался герб; за-

тем, обогнув площадку, украшенную фонтаном, она остановилась у подъезда.

Два лакея выбежали встретить прибывшего, и один из них, помогая ему выйти, почтительно сказал:

— Граф желает вас видеть, сударь, как только вы отдохнете.

— Проводите меня в назначенную мне комнату, я оправлюсь и тотчас пойду к графу.

Предшествуемый лакеем, Готфрид прошел вестибюль, убранный цветами, откуда лестница с золочеными перилами, устланная ковром, вела в комнаты верхнего этажа; затем длинная анфилада парадных комнат привела его в предлестный маленький зал, смежный со спальней, где тотчас и сложили его вещи.

— Куда ведет эта дверь? — указывая на полуспущенную портьеру, спросил Готфрид лакея, помогавшего ему переодеваться.

— В комнату маленького графа, — отвечал тот. — Только теперь господин Танкред запер ее на ключ, так как он очень недоволен вашим приездом.

— Разве он сидит в запертой комнате?

— Маленький граф в саду. Он очень рассердился, когда доложили о вашем приезде, разбил большую китайскую вазу, положил ключ в карман и убежал.

Окончив свой туалет, Готфрид направился в комнаты владельца замка. Старый камердинер ввел молодого человека — предварительно доложив о нем — в кабинет графа. Обои и мебель темно-зеленого цвета придавали этой комнате суровый, мрачный вид.

Возле окна человек лет около пятидесяти сидел в кресле с высокой спинкой, украшенной гербом. Ноги его, обложенные подушками слева и справа, были укутаны одеялом; болезненно-бледное лицо сохраняло отпечаток замечательной красоты: темные глаза, затуманенные грустью, выражали доброту и страдание; волосы на голове, еще густые, начинали седеть.

— Добро пожаловать, месье Веренфельс! Мой старый друг Фридман писал мне о вас так много хорошего, что вы уже снискали мое доверие и симпатию, — сказал граф, протягивая Готфриду свою исхудалую руку и устремляя приветливый взгляд на красивую атлетическую фигуру молодого человека.

— Благодарю вас, граф, постараюсь оправдать ваше доверие, — отвечал Готфрид, садясь в кресло, которое указал ему хозяин.

— Тяжелую обязанность я взваливаю на ваши плечи, мой юный друг, — продолжал хозяин дома. — Характер Танкреда таков, что я и понять не могу, откуда он мог взять такие манеры. Его грубость и леность невообразимы; он питает отвращение ко всякому труду. Никто до сих пор не мог побороть его упрямства, а когда он впадает в бешенство, то не помнит себя. А между тем, когда вы его увидите, то пожалеете, как и я, что это маленькое существо, так богато одаренное, погибает нравственно.

— Я сделаю все, что под силу человеку, чтобы исправить вашего сына. Но уполномочиваете ли вы меня, граф, употреблять меры строгости, если я найду это нужным?

— О, конечно, даю вам на то полное право. Передаю вам, так сказать, мою отеческую власть. Наказывайте строго, секите его, если он того заслуживает. Я сам давно должен был начать это делать, но мое болезненное состояние лишило меня всяких сил.

В эту минуту в соседней комнате раздался топот, и в кабинет ворвался мальчик в синей суконной матроске.

Пока Готфрид с любопытством глядел на него, ему стали понятны и сожаление графа, и его слабость к сыну. Никогда он не видал такого красивого ребенка. Бледное личико с тонкими и правильными чертами камеи, обрамленное длинными черными локонами с синеватым отливом, казалось шедевром, который мог создать лишь великий художник. Но пурпур-

ный ротик выражал капризность и упрямство, а большие синие, как васильки, глаза сверкали гордостью и дерзостью.

Увидев нового воспитателя, Танкред остановился и, не удостоив поклоном, смерил его презрительным взглядом.

— Черт его принес! — проворчал он. Затем отвернулся, бросился в кресло, положил ноги на стол, схватил папироску, зажег ее и стал курить.

— Вот видите! — сказал граф с унынием, смешанным с раздражением.

— Я приступлю к воспитанию моего ученика и заставлю его понять, как он должен вести себя в присутствии отца, — проговорил Готфрид, затем спокойно подошел к Танкреду, отнял у него папироску, бросил ее в пепельницу и, приподняв мальчика, поставил его на ноги.

— Маленьким детям не полагается курить, и я запрещаю тебе дотрагиваться до папирос, — сказал он строго. — И чтобы я в первый и последний раз видел, что ты позволяешь себе так непристойно держаться перед своим отцом и передо мной. Берегись не слушаться меня, если не хочешь быть строго наказанным.

Танкред на минутку как бы окаменел, но уже вскорости, дрожа от злости, бросился к отцу и, топя ногами, закричал:

— Папа, ни одного дня не смей оставлять здесь этого нахала, который позволяет себе дотрагиваться своими грязными руками до графа Рекенштейна и угрожать ему; прогони его тотчас же! Я этого хочу.

— Танкред, не стыдно ли тебе? Ты совсем не любишь меня, если причиняешь мне такие волнения, — проговорил граф слабым голосом.

Мальчик бросился к нему, охватил его шею и зарыдал.

— Я не хочу никого слушаться, — твердил он сквозь слезы. — У мамы все делали, что я хотел. Учиться мне скучно. Если ты хочешь, чтобы я тебя любил, прогони этого грубияна.

— Будь благоразумен, дитя мое, — отвечал граф, целуя кудрявую голову мальчика. — Месье Веренфельс — твой воспитатель; ты должен его уважать и слушаться. Будь вежлив, прилежен, и он будет к тебе добр. Графу Рекенштейну необходимо учиться. Блестящий офицер, каким ты хочешь быть со временем, не может оставаться невеждой, не умеющим ни читать, ни писать.

Граф замолчал и, бледнея, откинулся на спинку кресла. Готфрид поспешно подошел и, отводя Танкреда, сказал:

— Видишь, как твое поведение огорчает отца. И как тебе не стыдно так плакать? Большой мальчик рыдает оттого, что надо учиться! Какой срам! Пойдем.

Танкред хотел сопротивляться, но встретив спокойный, энергичный взгляд своего нового воспитателя, он опустил голову, дал взять себя за руку и покорно пошел за Готфридом.

Придя в свою комнату, Готфрид с тем спокойствием, которое, по-видимому, действовало внушительно на воспитанника, приказал ему отпереть замкнутую дверь. После минутного колебания Танкред вынул из кармана ключ и молча, с угрюмым видом, подал его лакею. Дверь мгновенно была открыта.

С новым удивлением Готфрид вошел в спальню с голубой атласной обивкой на стенах и на мебели. Широкая кровать, украшенная кружевами, стояла на возвышении, покрытом мехом, а рамка туалетного зеркала из массивного серебра изображала амуров, держащих свечи. Испытав неприятное ощущение от всего этого убранства, не приличествующего мальчику, готовящемуся стать офицером, Готфрид поинтересовался у лакея, по приказанию ли графа было так убрано помещение его сына.

— Нет, — отвечал лакей. — Это господин Танкред хотел непременно занять комнаты графини, а так как сам барин ни во что не входит, то управляющий приготовил для вас будуар и уборную.

В тот же вечер за игрой в шахматы с графом Готфрид попросил у него разрешения занять со своим воспитанником другое помещение, более соответствующее нуждам последнего.

— Конечно! — с готовностью отвечал граф. — Выбирайте какие хотите комнаты. Я отдам приказание управляющему обустроить их согласно вашим указаниям.

На следующий день, осмотрев замок, Готфрид выбрал четыре комнаты, смежные со средней частью здания времен Возрождения; одна из которых выходила на широкую террасу, ведущую в сад.

Танкред был взбешен такой переменой, но не смел выказывать своего неудовольствия, так как его воспитатель внушал ему невольный страх. Но затаенная злоба кипела в нем и при первом случае вырвалась наружу.

Это было на третий день их водворения в новом помещении. Они были в классной комнате, смежной с террасой. Готфрид сидел у окна и читал газету. Танкред, стоя у дверей террасы с книгой в руках, не учился, а барабанил с досадой по стеклу. Вошел лакей и положил на стол большую папку тетрадей.

— Возьми прочь этот хлам, которого я видеть не хочу, и убирайся к черту! — распорядился маленький граф, взглянув искоса на врагов своего спокойствия. Заметив, что лакей не обращает никакого внимания на его слова, Танкред побагровел, разбил ногой стекло балкона, подбежал к столу, схватил тетради и швырнул их в лицо лакея, осыпая его потоками брани.

Готфрид, молча следивший за этой сценой, встал и без раздражения, но как человек, обладающий непреодолимой властью, взял маленького графа за уши, поставил его на колени и сказал:

— Подними тетради и сложи их в порядке. Пока не сделаешь этого, обедать не будешь.

Такое обращение и такая угроза довели озлобленного мальчика до крайнего раздражения. С криком орленка он вскочил на ноги, бросился на лакея и стал бить его кулаками и ногами. Ухватившись за его жилет, оторвал от него карман и неистово возопил:

— Негодяй, каналья, я сверну тебе шею, если ты сию минуту не возьмешь его за шиворот и не вышвырнешь прочь. Если же послушаешься меня, я дам тебе десять талеров!

Готфрид, видя, что надо приступить к энергичным мерам, чтобы пресечь зло в корне, взял камышовую тросточку, гибкую как хлыстик, и прежде чем маленький граф мог догадаться, что его ожидает что-либо подобное, он был схвачен и подвергнут примерному наказанию. Напрасно малец вырывался из железной руки, которая его держала: силы и упрямство его были преодолены, что и вылилось в потоках слез. Впервые непокорный ребенок был побежден!

Чтобы дать своему ученику поразмыслить на свободе о суровом уроке, который был дан ему, Готфрид оставил его обедать одного в своей комнате. Но когда, отобедав с графом, Веренфельс возвратился к себе, то не нашел уже там Танкреда — он убежал, и его нигде нельзя было найти.

— Должно быть, он побежал к судье, — предположил лакей.

— К какому судье?

— К уездному судье, Линднеру. Он живет в Рекенштейнской деревне, по ту сторону парка. У него много детей одного возраста с маленьким графом, и господин Танкред любит туда ходить.

Готфрид взял шляпу и пальто и, расспросив, какой дорогой идти, отправился отыскивать своего ученика. Погода стояла великолепная. Маленькая боковая дверь в бронзовой решетке была открыта, и Готфрид вошел в аллею дубов и лип, в конце которой виднелись дома большого села и высокая колокольня церкви. Девочка, сидевшая с вязаньем на пороге первого домика, вежливо указала ему дом судьи, на-